

Итакъ, условіе всякаго бытія, основа міра всего—есть Богъ. *Богъ это логический prius, безъ котораго ничего не понятно и ничего не возможно.* «Доказывать, что есть Богъ!—восклицаетъ Толстой.—Можетъ ли быть что-нибудь глупѣе мысли—доказывать Бога? Доказывать Бога—все равно, что доказывать свою жизнь. Доказывать кому? Чѣмъ? Для чего? Если нѣтъ Бога, то ничего нѣтъ. Какъ же Его доказывать? Богъ есть. Намъ не нужно Его доказывать». (Тамъ же, 16 стр. См. также стр. 15, § 5).

Разъ сущность вещей, основа бытія есть Богъ, а вещественный міръ есть только нѣчто кажущееся, «наша мечта», спрашивается, каковы же свойства Бога? Что Онъ такое для насъ и что такое Онъ самъ *an und für sich*, познаемъ ли Онъ или нѣтъ? Если познаемъ, то какъ и почему возможно Его познаніе?

Анализируя понятіе Бога Толстого, мы встрѣчаемъ прежде всего рядъ отрицательныхъ опредѣленій.

Прежде всего, *Богъ есть нѣчто невещественное и духовное.* Разъ Богъ есть основа всякаго бытія и жизни, а тѣлесное есть нѣчто кажущееся,—понятно, что Богъ не можетъ быть вещественнымъ.

Вторымъ характернымъ признакомъ Божества является Его бесконечность и неисчерпаемость, влекущая за собой то, что мы не можемъ исчерпать Его нашимъ умомъ. *Для интеллекта Богъ непознаемъ* весь: «Бога нельзя познать разумомъ»,—говорить Толстой.—«Нельзя разумомъ понять, что есть Богъ и что есть душа въ человѣкѣ; и также нельзя понять того, что нѣть Бога и что нѣть души въ человѣкѣ», настойчиво повторяетъ онъ. Итакъ, Богъ непознаемъ разумомъ, таковъ I-й выводъ, сближающій Толстого съ критицизмомъ и агностицизмомъ. Но значить ли это, что Онъ вообще непознаемъ? Нѣтъ, не значить. Сближаясь съ агностицизмомъ въ непознаваемости Бога разумомъ, Толстой совершенно отходитъ отъ него, дѣлая орудіемъ познанія *чувство*. Въ этомъ онъ сходится съ мистиками вообще и съ новѣйшими философами (напр., съ Бергсономъ,